

КОНСТАНТИН А. БОГДАНОВ
(Санкт-Петербург)

МОТИВ КАК ВЫБОР

История понятий как научная дисциплина (Begriffsgeschichte), подтверждающая давнее наблюдение, что научные понятия не только обозначают собою нечто, но и работают как инструмент коммуникативного согласия на их использование в том или ином определенном значении. А это значение меняется в зависимости от разных обстоятельств, и прежде всего — от конвергенции и дивергенции самих научных дисциплин, осложняющих одни и те же, казалось бы, понятия различными смысловыми связями в зависимости от технических и, в частности, риторических задач — констатации или, наоборот, вопроса, сомнения или объяснения и т. д. В конечном счете характер любой интерпретации предопределяется ее прагматическим целесообразием — а значит, усилиями, не исключаяющими сторонних альтернатив. Статья преследует цель пересмотра сложившихся мнений о мотиве в соотнесении этого понятия с методами филологической антропологии.

Ключевые слова: мотив, мотивация, Lebenswelt, К. Леви-Стросс, В. Пропп, А. Моль, Р. Барт

Информация об авторе: Константин Анатольевич Богданов, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: konstantin.a.bogdanov@gmail.com

Motive As A Choice

Conceptual history as a scientific discipline (Begriffsgeschichte) confirms the long-standing observation that the use of certain words as special, obligatory terms bears not only a semantic quality but also an institutional and social dimension. Scientific concepts not only denote something but also work as an instrument of group identification. Its establishment and maintenance is conditional and changeable. In various fields of knowledge, the same words can mean different things. Terms are included in different contexts and imply different semantic connections referring to the diversity of pragmatic needs such as statements, questioning, doubt or explanation, etc. Ultimately, the nature of any interpretation is predetermined by its pragmatic aim and, therefore, alternative efforts. This article carries a theoretical task and a certain revisionist claim to point out the

possibilities of heuristic correlation of these concepts as a method of philological anthropology.

Key words: motiv, motivation, Lebenswelt, K. Levi-Stros, V. Propp, R. Bart, A. Moles

About the author: Konstantin Bogdanov, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia.

E-mail: konstantin.a.bogdanov@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2022-18-4-76-106

Средневековые схоласты полагали, что «форма дает вещи существование» (*forma dat esse rei*) — парадокс, заставляющий считаться с тем, что фактически любой формальный компонент, коль скоро он выделяется в качестве такового, наделяется существованием, а значит, и возможным смыслом.¹ Понимание «мотива», с этой точки зрения, оправдывает не столько его логические дефиниции (а также их структуральные детализации),² сколько представление о нем как о звуке и/или образе, — недаром и сам этот термин первоначально появился и использовался применительно к музык.³ Звуковое «очертание» музыкального мотива полиморфно и зависит от предметности слухового восприятия. Само это восприятие к тому же определяется разными факторами — от «непосредственной» предрасположенности слушателя к тем или иным звукам до эмоциональной «убедительности» тех музыкальных инструментов, которые традиционно связываются с тем или иным образом (в своей дидактической простоте примерами такого убеждения могут служить, в частности, пояснения нарратора

¹ *Forma dat esse rei: studi su razionalità e ontologia* // A cura di Paolo Valore. Milano: LED, 2003.

² О том, как далеко может заходить такая детализация, можно судить по цифровым данным компьютерной лингвистики: *Motifs in Language and Text* / Ed. Haitao Liu and Junying Liang. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2017.

³ Одно из первых упоминаний в «Музыкальном словаре» С. де Броссара 1703 года (*Холопов Ю. Н.* Введение в музыкальную форму. М.: Мос. гос. консерватория, 2006. С. 281). В литературно-критическом обиходе понятие «мотив» получает распространение благодаря И. В. Гёте (*Гёте И. В.* Об эпической и драматической поэзии // Гёте И. В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М.: Худ. лит., 1980. С. 274–277).

в симфонической сказке Сергея Прокофьева «Петя и волк» (1936), где флейта обозначает птичку, гобой — утку, кларнет — кошку, валторны — волка, фагот — старого дедушку, а литавры и барабан — выстрелы охотников).¹ История изобразительного искусства и кинематографа также дает наглядные примеры мотивов, визуальная убедительность которых не свободна от традиции их воспроизведения (в истории кино такими условно «универсальными» мотивами, по мнению Реймонда Даргнета, могут считаться, в частности, мотивы слепоты, карнавала, рынка, цветов, зеркал, железнодорожных вокзалов, витрин, скульптур, подводного мира).² В таком — равно формальном и образном — определении мотив, говоря словами Бориса Гаспарова, это «любое смысловое „пятно“». ³ Легко представить такое «пятно» не метафорически, а буквально — например, как чернильную кляксу: труднее решить, что здесь предшествует чему — «пятно» смыслу или смысл «пятну».⁴

Важно заметить вместе с тем, что в любом случае «смысл» мотива предвосхищает его припоминание, а оно, в свою очередь, привязано к мелочам — к таким деталям прошлого и настоящего, реального и воображаемого, случайного и закономерного, из которых, как в игре puzzle, складывается картинка опознаваемой в них «реальности». Антропологизация фольклористики и литературоведения еще более осложняет представление о мотиве как аналитической единице текста. Любое литературное произведение, как на этом настаивали уже представители констанцской школы рецептивной эстетики Вольфганг Изер, Ганс-Роберт Яусс и их единомышленники, в ретроспективе предстает своего рода абстракцией, исходной для множества его потенциальных

¹ Лесовиченко А. М. Симфоническая сказка С. Прокофьева «Петя и волк» и ее исполнительские интерпретации как предмет анализа будущими учителями в контексте вузовского музыкально-теоретического образования // Музыкальное историко-теоретическое образование. 2017. № 3. С. 112–122.

² Durgnat R. *Films and Feelings*. Cambridge: MIT, 1976. P. 229–235.

³ Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М., 1994. С. 30–31.

⁴ Подробно: Богданов К. А. Из истории клякс: Филологические наблюдения. М., 2012.

содержательных интерпретаций. Даже если слушатель или читатель отталкивается от подсказок, которые связываются с тем или иным текстом в опыте его предыдущих прочтений, в нем могут обнаруживаться смыслы, такими подсказками не предусмотренные, — синтаксические, лексические и иные «странности», «пробелы», «умолчания», которые приходится комментировать, полагаясь на связываемые с ним в процессе чтения приемы «эстетического воздействия» (*Wirkungsästhetik*) и особенности его читательской рецепции («горизонт ожидания», *Erwartungshorizont*) и т. д.¹

Теоретической проблемой в этом случае остается то, на чем Изер и Яусс не акцентировали внимания: а чем, собственно, определяется «горизонт» читательской компетенции в процессе чтения? Чем читатель, сколь бы образованным он ни был, руководствуется в своем представлении о связи конкретного произведения с другими произведениями той же эпохи, о приемах поэтики и риторики, о границах воображаемого и мыслимого в качестве реального и т. д.? Чем древнее тексты, чем дальше отстоят от нас те или иные события — тем сложнее их интерпретация. Насколько «объективно» наше знание о том, какие именно мотивы считать определяющими для тех или иных текстов, которые были адресованы, по меньшей мере, не нам? Какие мотивации определяли характер происходящего тогда и там, где нас, по меньшей мере, не было?

В той степени, в какой культура поддерживает представления об обществе как целом, нам не избежать конструирования

¹ Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84; Изер В. Рецептивная эстетика. Проблема переводимости: Герменевтика и современное гуманитарное знание / Публ. И. Ильина // Академические тетради. 1999. Вып. 6. С. 59–96; Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход / Пер. И. Кабановой // Современная литературная теория: Антология. М.: Флинта; Наука, 2004. С. 201–225. О продуктивности «имплицитного читателя», обнаруживающего в тексте те или иные «нарративные пробелы» — умолчания, которые представляются важными в их контекстуальных и коммуникативных связях: Willand M. *Iser's impliziter Leser im praxeologischen Belastungstest — Ein literaturwissenschaftliches Konzept zwischen Theorie und Methode* // *Theorien, Methoden und Praktiken des Interpretierens* / Hrsg. von A. Albrecht, L. Danneberg, O. Krämer und C. Spoerhase. Berlin u. a.: De Gruyter, 2015. S. 237–270.

таких интерпретаций, которые говорят «сами за себя», но остаются мало определенными в своей модальности. Аналогией к такому положению вещей может служить изучение языка, согласно которому минимальной единицей человеческой коммуникации полагается высказывание, а не то (как это акцентируется в теории речевых актов), чем — какой интенцией — оно порождается. Но целостность и системность — вменяются ли они языку или литературе — дробятся и фрагментируются, если язык и литература детализуются в коммуникативных проекциях. В каждом конкретном случае — это открытые вопросы о контекстах, оправдывающих ту или иную интерпретацию.¹ Можно надеяться, что прививкой от произвольных интерпретаций в этих случаях служит опора на традиционные практики верификации и фальсифицируемости, историко-сравнительный анализ и филологическую критику текста.

Но важно — и это следует подчеркнуть, что вопросы о многообразии связей, которые могут быть обнаружены внутри текста, между текстом и другими текстами, между текстом (а также текстом и другими текстами) и любыми жизненными обстоятельствами, которые допускают свою «текстуализацию» — придание тем или иным событиям, фактам, домыслам, чувствам и т. п. статуса предположительно возможного текста, — могут быть поставлены как прагматически разные. В одних случаях это вопросы текстологии, в других — филологии, истории, социологии и т. д. Ведь даже внутренняя связь (или, в лингвистической терминологии, когерентность) текста «проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция».² Говоря иначе: понимание текста подразумевает внимание к *различным аспектам* его актуализации.

Ясно одно: не только разные, но одни и те же тексты читаются по-разному. Владимир Набоков, большой любитель

¹ Rescher N. Objectivity: The Obligations of Impersonal Reason. Notre Dame: Notre Dame University Press, 1997. P. 201.

² Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. С. 17.

bons mots, не без вызова наставлял своих студентов, что «книгу вообще нельзя *читать* — ее можно только перечитывать».¹ Старый афоризм Августа Бека, что суть филологической работы состоит в «познании познанного» (Erkennen des Erkannten), оказывается в этом случае справедливым как в теоретическом, так и в собственно прагматическом отношении — любой текст содержателен лишь постольку, поскольку он открыт к новому прочтению.²

Давние споры о том, насколько исследователь независим от себя самого при анализе историко-культурного материала, насколько он «вписывает» себя в собственную интерпретацию, остаются эвристически полезными по сей день: увлекательными — если эта проблема осознается исследователем (и, конечно, бесполезными и тоскливыми — если она им не осознается). Показательно, что в арсенале уже ранней герменевтики среди приемов надлежащего понимания приводились этические и эстетические категории: вера/доверие, радушие/доброта (benignitas), надежда, справедливость, красота и т. д. Текст, а шире — мир, открывает себя в ситуации коммуникативного «отклика» на нечто значимое — и потому как бы уже «понятное» (что в теоретической ретроспективе придает проблеме «герменевтического круга» не логический, но эмпирический смысл, обнаруживающий

¹ Набоков В. В. О хороших читателях и хороших писателях // Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука, 2001. С. 36. Ср.: «Чтение начинается с перечитывания. Чтение в первый раз — это только подготовка к чтению» (Мешоник А. Рифма и жизнь / Пер. Ю. Маричик-Сьоли. М.: ОГИ, 2014. С. 124). Французское издание вышло в 1989 году.

² Horstmann A. Zwischen Evidenz und Wahrscheinlichkeit: August Bockhs «Erkenntnis des Erkannten» // Unsicheres Wissen. Skeptizismus und Wahrscheinlichkeit. 1550–1850 / Hrsg. C. Spoerhase, D. Werle, M. Wild. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. S. 437–448. Характерно, что апелляция к «понимающему чтению» (теоретически восходящая к Вильгельму Дильтею) приобрела в конечном счете дидактическую окраску — право на такое чтение, которое было бы эвристически озадачивающим, преследовало не цель эффективного «присвоения» автора (и, соответственно, заведомую догматизацию педагогического контроля), но свободу эстетической и этической дистанции между автором и читателем (Hörisch J. Die Wut des Verstehens. Zur Kritik der Hermeneutik. Frankfurt a. M., 1988; Baum M. Der Widerstand gegen Literatur. Dekonstruktive Lektüren zur Literaturdidaktik. Bielefeld: Transcript, 2019).

силу «предпонимания» — эмпатии, не требующей дополнительных доказательств).¹

В теории информации подобная ситуация рисуется как результат выбора, который — пусть он даже видится психологически интуитивным — ретроспективно структурирует связываемые с ним события.² При всем пафосе и радикализме давних суждений Жака Деррида о том, что «не существует вне-текста» (*il n'y a pas de hors-texte*),³ они остаются поучительными в том отношении, что позволяют задаться вопросом, какими текстами, а значит — какими мотивами, мы руководствуемся (не удержусь от каламбура: мотивируемся) в представлении о самой этой реальности. Реальность каждого — это реальность его «жизненного мира», предстает ли он результатом уже имеющегося «текста» или причиной к созданию нового «текста» (а если мыслить его буквально — то и новых текстов). Понятие «жизненного мира», возводимое в своем инструментальном значении к Эдмунду

¹ *Mantzavinos C.* Hermeneutics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2016. <http://plato.stanford.edu/entries/hermeneutics/> [дата обращения — 22.09.2022] См. также: *Mantzavinos C.* The Hermeneutic Circle: What Kind of Problem is it? // *L'Année sociologique*. 2013. Vol. 63. Issue 2. P. 509–527.

² *McBirnie A., Urquhart C.* Motifs: Dominant Interaction Patterns in Event Structures of Serendipity // *Information Research*. 2011. Vol. 16. № 3. Paper 494. [<http://InformationR.net/ir/16-3/paper494.html>; дата обращения — 22.09.2022]

³ *Деррида Ж.* О грамматиологии / Пер. Н. Автономовой. М.: 2000. С. 313 («внетекстовой реальности не существует»). Сам Деррида позднее пояснил, что речь в данном случае идет о равнозначности текста и контекста, поэтому во избежание переводческих недоразумений его высказывание следует понимать так: «нет ничего вне контекста» (*Derrida J.* Afterword: Toward an Ethic of Discussion. Illinois: Northwestern University Press, 1988. P. 136: «The phrase which for some has become a sort of slogan, in general so badly understood, of deconstruction (“there is no outside-text” [*il n'y a pas de hors-texte*]), means nothing else: there is nothing outside context»). Перевод знаменитого высказывания Деррида — тема интересных дискуссий (см., напр.: *LaCapra D.* Tropisms of Intellectual History // *History and Its Limits: Human, Animal, Violence*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 209–211; *Deutscher M.* «Il n'y a pas de hors-texte» — once more // *Symposium: Canadian journal of continental philosophy*. 2014. Vol. 18. № 2. P. 98–124). Но применительно к нашей теме «деконструктивистский лозунг» Деррида важен в главном — в понимании взаимозависимости текста/контекста как неотменяемого атрибута («так называемой») действительности.

Гуссерлю (*Lebenswelt*) и подробно разработанное в работах Альфреда Шютца и Томаса Лукмана,¹ уместно здесь тем более, что оно позволяет соотнести феноменологическое описание повседневности с неспециализированным представлением о том, что восприятие действительности опосредовано содержательными характеристиками «своего» и «чужого», рефлексивной и эмоциональной локализацией себя в границах некоторого воображаемого пространства (собственно, и само местоимение «я» в индоевропейских языках, как утверждал уже Карл Бругман, этимологически связано с указанием на местоположение «здесь»²).

Взаимосвязь мотивов, позволяющих определиться с ориентацией в пространстве «жизненного мира», субъективна по определению. Прежде всего она многослойна и разновалентна, определяясь разными «источниками» — событиями, эмоциями, текстами, «картинками» и т. д. Опыт их восприятия так или иначе заставляет считаться с мозаичностью, фрактальностью любой соразмерности. Важное уже для Гуссерля понятие «пробела» (*Leerstelle*) стало отправной точкой в рассуждениях Шютца о том, что «опредмечивание» реальности всегда подразумевает наличие феноменологических «пустот» (*vacancies*), требующих своего восполнения/дополнения/означивания в смысловой структуре социального мира. Именно они, по рассуждению Шютца (оставившего наброски к «теории» таких пустот), и определяют собою характер повседневного знания о мире, персонально конструируемого — в опыте актуального переживания и переосмысления — в череде эпистемологических релевантностей, устанавливаемых между сознанием и реальностью.³

¹ Schütz A., Luckmann T. *Strukturen der Lebenswelt*. UTB GmbH; Auflage: 2. überarb. 2017; Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии*. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.

² Лат. *Ego — hic*; нем. *Ich — hier*; и другие соответствия — от праиндоевропейского указательного **gho*: Brugmann K. *Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen* // 1904. Bd. 22. Heft 6. S. 69–73. См. также: Bühler K. *Sprachtheorie*. Jena; Stuttgart: Gustav Fischer, 1934. S. 109–110.

³ Шютц А. *Размышления о проблеме релевантности* // Шютц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М., 2004. С. 365–371.

Отвлекаясь от собственно философской проблематики работ в области антропологической феноменологии, стоит заметить, что графическим знаком для обозначения «пробелов» Гуссерля и «пустот» Шюца могли бы послужить тире и многоточия. Именно они адекватно соответствуют тому, что Роман Ингарден, еще один последователь Гуссерля, называл «местами неопределенности» (*Unbestimmtheitsstelle*), сопутствующими представлению о любой социокультурной предметности — является ли она при этом материальной или только воображаемой.¹ Понятие «мотива» в том же контексте уместно как указание на приемы и способы ориентации в пространстве такой предметности. Ими формируется и поддерживается взаимосвязь — тематизируемых или нет — фрагментов восприятия, определяющих в конечном счете нашу интенциональную действительность. Природа такой действительности коммуникативна, будь это коммуникация с другими или внутриличностная коммуникация, аутокоммуникация, изначально определяющая собою мотивационные основания «жизненного мира».² Кроме того — она трансформативна: давно замечено, что воспоминания о детстве одних и тех же людей разнятся в зависимости от ситуации и времени, реальной или подразумеваемой аудитории, психологического состояния самого мемуариста и т. д. Воспоминания «об одном и том же» на поверку оказываются воспоминаниями «о разном». И дело здесь, конечно, не только в меняющихся обстоятельствах социального (и субъективно «терапевтического») спроса/предложения,³ но именно в том, что память предлагает считаться с вариативным набором всех тех мелочей, которые определяют саму возможность текста/рассказа о чем бы то ни было.

¹ *Ингарден Р.* Книжечка о человеке. М.: МГУ, 2010. С. 27–32.

² *Пивоваров А. М.* Внутриличностная коммуникация как предмет социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 4. С. 50–65; *Мацута В. В.* Аутокоммуникация человека: Функциональный аспект: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2010.

³ *Sabbagh K.* Remembering Our Childhood. How Memory Betrays Us. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Рискованно спорить с тем, что под таким углом зрения список мотивов будет едва ли не безграничным. Фактически это словарь, открытый к дополнению. Дидактической версией такого словаря можно было бы считать античную практику «хрий» (от греч. χρεία — польза, упражнение) — составление различного рода тематических высказываний, навык остроумных и нравоучительных изречений *γνώμη*, *αποφθέγματα*), напоминаний и примеров (*απομνημόνευμα*), преследующих как идеологически наставительные, так и формально обучающие (прежде всего — грамматические и риторические) цели.¹ Выразительные рассказы о знаменательных персонажах и событиях, поступках и памятных афоризмах обретали свою дидактическую целесообразность в повторении и надлежащей интерпретации. Их наставительность могла граничить с анекдотом (будь то, например, напоминания о Диогене Синопском, который днем с фонарем искал честного человека, или о философе Кратете, пришившем к своему плащу заплату из овечьей шкуры, демонстрируя таким образом свое безразличие), а формальные особенности соответствующего рассказывания — с коммуникативным абсурдом (когда ученик должен был повторять одно и то же высказывание, но при этом менять его грамматическую форму — падеж, число, наклонение, время; сегодня это выглядело бы так: мама мыла раму, мамы моют рамы, о мамах, вымывших раму, и т. д.). Но польза таковых высказываний, если следовать их греческому названию, состояла в них самих: повторение, которое, по старому латинскому правилу, служит матерью научения (*repetitio mater studiorum est*), прививает мысль о роли постоянства и вариативности тех

¹ О традиции составления хрий см.: *Wartensleben G. Begriff der griechischen Chreia und Beiträge zur Geschichte ihrer Form.* Heidelberg: C. Winter, 1904; *The Chreia in Ancient Rhetoric.* Vol. 1: *The Progymnasmata* / Ed. by R. F. Hock and E. N. O'Neil. Atlanta: Scholars Press, 1986 (Society of Biblical Literature. Vol. 1: Texts and Translation Series); *The Chreia and Ancient Rhetoric: Classroom Exercises* / Ed. by R. F. Hock and E. N. O'Neil. Leiden etc.: Brill, 2002 (Society of Biblical Literature. Vol. 2: Writing from Greco-Roman World). Понятия χρεία и γνώμη при этом зачастую смешивались: *Kloppenborg J. S. The Formation of Q: Trajectories in Ancient Wisdom Collections.* Philadelphia: Fortress, 1987. P. 291.

способов, какими может быть «схвачена» и выражена реальность. Риторическая формализация хрией, авторитетно обоснованная уже Квинтилианом,¹ а затем дополненная сонмом его почитателей, может быть понята, с этой точки зрения, как попытка определиться, с одной стороны, с практиками соотнесения высказывания и действия, а с другой — с дидактической апроприацией «знания» и «мнения» о чем бы то ни было.

История мотивов/мотиваций вписывается в ту же традицию — это также упоминания о *чем-то*, что вызвало чей-то интерес, что может быть как-то названо или обозначено и о чем может быть рассказано. Если не ставить перед собою задачу *структурного анализа* некоторого предсказуемого целого, то значение мотивов оказывается важным прежде всего в их связи с сопутствующими им обстоятельствами «внешнего» свойства — культурой, историей, традицией, идеологией и другими факторами, определяющими их актуальное присутствие в таком виртуальном словаре как для нас самих, так и «для кого-то».

¹ «Хрии же разделяются на многие роды. Один род походит на мнение, просто выраженное, как то: он сказал; или он говаривал. Другой состоит в ответе: когда его спросили, или когда ему было сказано, он отвечал. Третий от сего немного разнится; хотя кто и ничего не сказал, но что ни есть сделал» (*Квинтилиан* Риторические наставления. Часть I. Перевод Александра Никольского. СПб.: Тип. Имп. Рос. Академии, 1834. С. 48). В сборнике хрией жившего на рубеже III и IV века антиохийского ритора Автония «*τροφῶνίσματα*» (переделке более раннего сочинения Гермогена из Тарса) такие примеры уже способны поразить схоластической детальностью, далеко превзошедшей все то, что писали о них предыдущие авторы. Древняя и Средневековая Русь практики составления хрией не знает, хотя сборники близких к ним афоризмов и коротких рассказов о поучительных ответах и поступках великих людей появляются и здесь: таковы, прежде всего, известные с XIII века переводные собрания изречений «Пчела» и «Мудрости Менандра». «Пчела» генетически восходит к жанру флорилегиев, и в частности к сборнику псевдо-Максима Исповедника «Гномы и апофегмы» («*Γνόμαι καὶ ἀποφθῆματα*»), включавшему «крылатые слова» и краткие повествования, подразумевающие то или иное нравоучение, связываемое с его автором или героями (*Сперанский М. Л.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М.: Имп. Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1904; *Сазонова Л. И.* Апофегматы // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1988. С. 3–60; *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München: Verlag Otto Sagner, 1991. С. 62–63).

Хорошим примером на этот счет может служить давняя критика Леви-Стросса функциональной модели Владимира Проппа. Пропп, как известно, описал структуру волшебных сказок в виде синтагматической линейной последовательности 31-й повествовательной функции. Такие функции, по Проппу, первичны к сказочным мотивам, которые при всем своем возможном многообразии подчинены общей схеме сказочного нарратива. Но, задается вопросом Леви-Стросс, что нам, как читателям сказок, дает такая схематизация? «С этого момента проблема объяснения лишь ставится. До формализма мы, несомненно, не знали, что общего имеют сказки. После него мы полностью лишились возможности понять, чем они различаются».¹ Между тем, как показывает Леви-Стросс, даже элементарное внимание к семантике сказочных персонажей открывает возможность для выстраивания функционально непредусмотренных оппозиций. Так, например: «в сказке „король“ — это не только король, а „пастушка“ — пастушка; эти слова и их обозначаемые становятся осязаемыми способами для построения понятийной системы, образованной оппозициями мужской/женский (по отношению к *природе*) и высокий/низкий (по отношению к *культуре*) и всеми возможными сочетаниями этих шести термов».² Но более того: сами термы функциональной схемы у Проппа теряют свою определенность, если заметить, что «многие из различаемых» Проппом функций «представляются сводимыми или уподобляемыми *одной и той же* функции, появляющейся в *разные* моменты повествования и подвергнутой при этом одной или нескольким трансформациям».³ Так, «ложный герой может быть трансформацией вредителя, трудная задача — трансформация испытанием и т. д.».⁴ Иными словами: восприятие, а значит и «смысл» сказки диктуется мотивирующими его внешними контекстами, как

¹ Леви-Стросс К. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора / Сост. Е. М. Мелетинский и С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1985. С. 23–24.

² Там же. С. 31. Курсив автора.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 26.

собственно этнографическими («обеспеченными ритуалом, религиозными верованиями, суевериями и позитивным знанием»),¹ так и исследовательскими, зависимыми от своих теоретических (и, как выясняется, даже терминологических) предпосылок.²

Мотивный анализ сказочного материала обязывает, таким образом, учитывать прежде всего семантическое многообразие самих мотивов и их возможные комбинации, как внутри одного текста, так и между разными текстами предположительно связанной с ними традиции. Однако и в том и в другом случае приходится считаться с тем, что такая комбинаторика имеет под собою не только формальные, но и антропологические основания. Пропп, раздраженно и неубедительно отвечавший Леви-Строссу, подчеркивал, что в своем анализе он опирался прежде всего на поступки персонажей: «под функцией понимается поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значения для хода действия».³ «Функция» в этом определении — условный термин, используемый безотносительно к семантике сказочных мотивов (например, безразличный к тому, как и на чем/ком герой преодолел расстояние, чтобы добраться к месту, где находится предмет поисков). Размышление Леви-Стросса о том, что, если не ограничивать восприятие сказки (и мифа) только исследовательской абстракцией завершенного сюжетного действия, легко

¹ Там же.

² Михаил Вайскопф остроумно и вполне правдоподобно предположил, что функция персонажа, названного Проппом «вредителем», вызвана к жизни публицистически и юридически тиражируемой риторикой, сопутствовавшей нарастанию политических репрессий эпохи сталинизма. В их контексте «вредитель» — аргумент, оправдывающий с конца 1920-х годов террор власти по отношению к самым разным слоям населения. Поэтому не исключено, что «первая книга Проппа свидетельствует о том, сколь внимательно штудировал он советские юридические материалы, и, возможно позволяет догадываться о каких-то личностных моментах в научной биографии этого блистательного 'спеца', напряженно вглядывающегося в новую социально-юридическую реальность» (*Вайскопф М.* Морфология страха // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 57).

³ *Пропп В. Я.* Структурное и историческое изучение волшебной сказки. (Ответ К. Леви-Строссу) // Семиотика / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Радуга, 1983. С. 575.

заметить, что понимание сказочных функций предельно осложняется семантическими характеристиками самих сказочных персонажей (так, например, «в одной и той же функции орел появляется днем, а сова ночью <...>, а это означает, что постоянной здесь является оппозиция дня и ночи <...>, противопоставленные друг другу по линии день ночь, вместе [они] противопоставлены ворону как грабителю, сборщику падали; утка же противопоставлена всем троем в рамках новой оппозиции между парой небо/земля и парой небо/вода»),¹ осталось у Проппа не прокомментированным. Синтагматическую достаточность выделенных им функций для понимания сказочного сюжета Пропп аргументирует так:

Для народной эстетики сюжет как таковой составляет содержание произведения. Содержание сказки о Жар-птице для народа состоит в рассказе том, как огненная птица прилетела в сад короля и стала воровать золотые яблоки, как царевич отправился ее искать и вернулся не только с Жар-птицей, но и с конем и красивой невестой. В том, что случилось, и состоит весь интерес.²

Аподиктические ссылки Проппа на «народную эстетику» и «народ» в этом заявлении, на мой взгляд, только подчеркивают правоту Леви-Стросса: «сказка не вполне поддается структурному анализу».³ В изложении Проппа такой анализ выглядит и вовсе абстрактным, поскольку игнорирует всю семантическую значимость таких мотивов, как Жар-птица, золотые яблоки, королевский сад и т. д. Схема имманентных функций дает при этом очевидный сбой и в том отношении, что обязывает к внешней рецепции. По Проппу, эта рецепция ограничена сюжетом, но практика этнографических исследований показывает, что это не так. Сказка интересна не только тем, чем она заканчивается, но и тем, о ком в ней говорится, как и когда

¹ *Леви-Стросс К.* Размышления над одной работой Владимира Проппа. С. 26.

² *Пропп В. Я.* Структурное и историческое изучение волшебной сказки. С. 579.

³ *Леви-Стросс К.* Размышления над одной работой Владимира Проппа. С. 20.

она рассказывается, кто ее рассказывает и кому ее рассказывают.¹ Сказочные мотивы в этом случае подразумевают свою контекстуализацию вне и помимо «собственно» сказочного текста.

Схожим образом, как я думаю, обстоит дело и в тех случаях, когда «мотивы» понимаются в неспециализированных контекстах, конструирующих представление о границах и природе «жизненного мира». Если «жизненный мир», согласно Шюцу, является результатом сложных причинно-следственных мотиваций («мотивации-потому-что» и «мотивации-для-того-чтобы»), определяющих собою поведение субъекта в ситуации социального взаимодействия, то что мешает думать, что в ряду таких мотиваций есть место и для мотивов в их, условно говоря, филологическом значении — информационных и эмоциональных мотивов культуры и социального опыта. Историческими прецедентами таких мотивов могут служить — в контексте религиозной и/или фольклорной традиции — восходящие к средневековью понятия «легенда» (лат. *gerundivum* от *legere*, то есть буквально то, что нужно читать) и «*exemplum*» — «пример», короткий (как правило анонимный) рассказ о каком-либо достославном и нравоучительном событии.² Дидактика легенд и «*exempla*» рассчитана на аудиторию, призванную вынести из этого чтения эмоциональные и морально-нравственные выводы и тем самым придать самим текстам социально-проективную ценность. И они, и содержащиеся в них мотивы определяют, говоря словами Шюца, «мотивацию-для-того-чтобы».

Молитвы и заговоры демонстрируют ту же прагматику мотивов еще более непосредственно — при этом совсем

¹ Герасимова Н. М. Сказка как речевая деятельность // Герасимова Н. М. Прагматика текста: фольклор, литература, культура. СПб.: Изд-во РИИИ, СПбГУ, 2012. С. 91–108; Добровольская В. Е. Герой волшебной сказки. К проблеме генезиса и эволюции образа // Художественный мир традиционной культуры. М., 2001. С. 37–67. См. также: Волков Р. М. Русская сказка. К вопросу о роли сказочника в создании сказочной обрядности // Научные записки Одесского пед. ин-та. 1941. Т. 6. С. 5–27.

² Ле Гофф Ж. Время нравоучительного примера // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. С. 131–134.

необязательно, чтобы такие мотивы были общепонятны в своем лексическом значении (что особенно наглядно в случае абракадабр).¹ И в том и в другом случае важнее контекст и связываемое с ним функциональное целесообразие. Лексико-грамматический разброс мотивов — от слов, словосочетаний и связанных предложений до сигнификативно «пустот» (будь это «пропущенные главы» в «Евгении Онегине» или семантически неопределенные лексемы — так называемые «имена с нулевым денотатом», «пустые классы языковых названий»)² — релевантен разбросу образных и дискурсивных примет «жизненного мира».

Мотивный анализ такого мира аналогичен мотивному анализу текста, как его понимает, например, Борис Гаспаров:

Сущность мотивного анализа состоит в том, что он не стремится к устойчивой фиксации элементов и их соотношений, но представляет их в качестве непрерывно растекающейся «мотивной работы»: движущейся инфраструктуры мотивов, каждое новое соположение которых изменяет облик всего целого и в свою очередь отражается на вычленении и осмыслении мотивных ингредиентов в составе этого целого.

Мотивный анализ способен вместить любой объем и любое разнообразие информации, поступающей в оборот мысли в процессе смысловой работы с данным сообщением, и в то же время остаться на почве этого сообщения как некоего языкового артефакта, который смыслообразующая мысль в каждый момент своего движения стремится охватить и ощутить как целое.³

Психолингвистические наблюдения также подтверждают потенциальную связь семантически разрозненных лексем в границах подразумеваемого ими целостного высказывания. Даже на уровне так называемых «текстов-примитивов»

¹ Богданов К. А. Абракадабра как заговорная модель: Пределы структурирования // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 185–197.

² Уфимцева А. Ф. Типы словесных знаков. М., 1974. С. 47; Кошев М. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969. С. 86. В ономаσιологических классификациях подобные слова определяются также как «имена с нулевым экспонентом» (Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977. С. 65; Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983. С. 53–54).

³ Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 337.

(то есть «текстовых структур небольших размеров с полным (или почти полным) отсутствием привычных для нормы специальных средств связности» — например отдельных слов в речи детей и иностранцев, плохо знающих чужой язык, в речи больных афазией, в разговорных репликах в диалоге или даже просто в кратких письменных «памятках» для себя о планируемых покупках и встречах) их восприятие оказывается цельным, поскольку оно диктуется аффективными и ассоциативными обстоятельствами. В объяснении Леонида Сахарного смысл высказывания в этих случаях напрямую зависит от психологических возможностей семантической структуризации текста:

Развертывание тема-рематической структуры при построении текста есть актуализация компонентов цельности, т. е. перевод их из подсознательного, диффузного, континуального в нечто более «сознательное», четкое, дискретное и связывание каждой из этих актуализированных субцельностей с каким-то текстом (фрагментом текста), простым или сложным. При этом каждый такой компонент, в свою очередь, — это не элементарный мир, а сложное синкретическое образование, которое в принципе также может быть дополнительно расчленено, структурировано (и следовательно — представлено при дальнейшем развертывании текста) и т. д., теоретически — без конца.¹

Важно и то, что коммуникативная взаимосвязь различных компонентов текста является также результатом его коммуникативной модальности — опознается ли стоящее за ним высказывание как констатация или вопрос, приказание или извинение и т. д.² Говоря иначе: понятий в качестве речевого акта, любой текст представляет собою действие, значение которого осциллирует на границе исходной для него интенции и внешней рецепции. Тем же действием наделяются и его компоненты. Если полагать, что какими-то из них являются мотивы, то их роль в тексте состоит также и в том, что они выступают в роли по меньшей мере «косвенных

¹ Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи / Отв. ред. Е. С. Кубрякова. М.: Наука, 1991. С. 228.

² Ср.: Searle J. R., Kiefer F., Bierwisch M. *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel, 1980. P. VII.

перформативов».¹ Они указывают, называют, обозначают нечто, но уже тем самым удостоверяют свое присутствие в тексте как иллюкутивно обусловленное его автором и/или реципиентом.²

Я думаю, что связь дистантных мотивов в речи и тексте соотносима с возможной связью мотивов «жизненного мира». Одна из напрашивающихся здесь аналогий — давнее наставление Михаила Ломоносова о «совоображении» и уместности «приисканных идей»:

Сочинитель слова тем обильнейшими изобретениями оное обогатить может, чем быстрейшую имеет силу со-воображения, которая есть душевное дарование с одною вещию, в уме представленною, купно воображать другие, как-нибудь с нею сопряженные. <...> Должно смотреть, чтобы приисканные идеи приличны были к самой теме, однако не надлежит всегда тех отбрасывать, которые кажутся от темы далековаты, ибо оне иногда, будучи сопряжены по правилам следующия главы, могут составить изрядные и к теме приличные сложенные идеи.³

«Сопряжение далековатых идей», как резюмирует ломоносовское рассуждение Юрий Тынянов,⁴ обнадеживает эвристической контекстуализацией. Особенностью высказывания, риторически объединяющего в себе казалось бы

¹ Понятие «косвенный перформатив» (hedged performative) первоначально было предложено для обозначения перформативных высказываний в вежливой форме (*Fraser B. Hedged performatives. Syntax and Semantics / Ed. by P. Cole and J. L. Morgan. Vol. 3. New York: Academic Press, 1975. P. 187–210*), но со временем приобрело расширительное значение, при котором косвенность является признаком имплицитного речевого акта как несущего в себе интенцию говорящего (*Clemen G. The concept of hedging: Origins, approaches and definitions // Hedging and Discourse. Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts / Ed. by R. Markkanen and H. Schröder. Berlin: Walter de Gruyter, 1997. P. 16–34*). Но такой интенцией по своей сути наделены любые коммуникативно ориентированные высказывания (*Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Кныга, 2009. С. 94–108*).

² *Taleb O. B., Ducrot O. Actes de discours et performativité en français: de la syntaxe à la pragmatique. Tunis: Publications de l'Université de Tunis, 1984. P. 68, 78–79.*

³ *Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию (1748) // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. С. 109, 111 (§23, 27).*

⁴ *Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 236.*

независимые друг от друга мотивы, является его содержательная непредсказуемость. Такое высказывание наделено заведомо «отложенным», незавершенным смыслом, открытым к его «будущему» истолкованию. Такова, в частности, поэтическая традиция японских хокку, в которых синтагматические компоненты текста подаются как разрозненные мотивы высказывания, связывающего их только в силу жанра и формальной метрической схемы (три строки: первая — из пяти, вторая — из семи и третья — из пяти слогов). Единственные связи, которые в этом случае предполагаются, ассоциативны, но соподчинительно необязательны. Ролан Барт расценивал хокку как пример текста, противостоящего привычным для европейского читателя «дешифрующим, формализующим или тавтологичным путям интерпретации».¹ Хокку, по его мнению, оставляют читателя в состоянии «смысловой подвешенности, которая кажется нам наиболее странной, ибо она делает невозможным самое обычное упражнение нашей речи, а именно комментарий».² Занятно, впрочем, что сам Барт от такого комментария не удерживается, оправданно связывая традицию хокку с практикой дзэн — достижением Сатори — «пробуждением перед фактом, схватыванием вещи как события, а не как субстанции».³

В объяснении специалистов по японской поэзии собственно формальными приемами хокку служат правила, рассчитанные на создание так называемого «избыточного чувства» (ёдзё), то есть чувства, «оставшегося за пределами стихотворения», — введение в стихотворение тропов, лишь очень опосредованно связанных с «основным» содержанием стихотворения, но уже тем самым расширяющих его семантическое и эмоциональное поле. Фактически — это отдельные мотивы, которые, предваряя собою все стихотворение (макура-котоба — «слово-изголовье»), «способствуют созданию эффекта столкновения разноплановых слов и соответствующих реалий».⁴

¹ Барт Р. Империя знаков / Пер. с франц. Я. Г. Бражниковой. М., 2004. С. 92.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 103.

⁴ Бреславец Т. И. Поэзия Мацуо Басё. М.: Наука, 1981. С. 75, 103.

При всем разнообразии гуманитарных методов и концепций, само представление о мотивах подразумевает, что для понимания *уже* сказанного требуются дополнительные усилия по выделению и учету таких особенностей текста, которые в той или иной степени наделяются предписывающим значением, — то есть позволяют сказать об этом тексте что-то *еще*. Порядок таких предписаний, как показывает история филологии, не бывает абсолютным, но он так или иначе подразумевает иерархию признаков, призванных подсказать, что считать в тексте важным, а что второстепенным или случайным. Исследовательский интерес в этих случаях сродни любопытству и, в определенном смысле, конспирологии — интересу к тому, что в старинных риториках именовалось «изумлением, порождаемым незнанием причин».¹ Если мотивы заведомо предвосхищают их припоминание, то и само припоминание (или, точнее, сама способность к такому припоминанию) заставляет интерпретатора опираться на какие-то мотивы, позволяющие этому припоминанию состояться; то есть мотивы являются как формальными (структурными), так и содержательными элементами потенциальной само/интерпретации.² В социолингвистической терминологии аналогией такому пониманию мотива может служить понятие *contextualization cues* — намеки/сигналы контекстуализации, создающие предпосылки той или иной коммуникативной ситуации.³ Даже если это аутокоммуникация — она может быть понята как столкновение или, по меньшей мере, взаимосвязь *разных* мотивов в ситуации некоторого обозначающего их экзистенциального опыта.

¹ *Sarbievius (Sarbievski) M. C. De acuto et arguto sive Seneca et Martialis (1619/1623) // Praecepta poetica / Pod red. S. Skimina. Wrocław; Krokau, 1958. S. 1–14 («admiratio nascitur ex ignoratione causarum»).*

² *A Dictionary of Modern Critical Terms / Ed. by R. Fowler. London, 1987. P. 100. См. также: Дымарский М. Я. Еще раз о понятии сюжетного события // Алфавит. Строение повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 149.*

³ *Gumperz J. J. Contextualization and understanding // Rethinking context: language as an interactive phenomenon / Ed. A. Duranti and C. Goodwin. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 229–252; Levinson S. C. Contextualizing ‘contextualization cues’ // Language and interaction: discussions with John J. Gumperz and Susan L. Eerdman / Eds. C. Prevignano and P. Thibault. Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 31–39.*

Значение мотивов, относящихся к разным текстам и разным жизненным ситуациям, видится мне при этом близким к тому, что напоминает о давнем словосочетании «мозаичная культура». Ставшее широко используемым и едва ли не публицистическим благодаря Абрааму Молю, оно, благодаря ему же, приобрело негативные коннотации. По мнению Моля, «мозаичность» современной культуры — результат информационного переизбытка и медийно-технологического разнообразия, несопоставимого с теми условиями, в которых существовала и воспринималась культура прошлого, якобы отличающаяся более логичной и иерархичной структурой познания.¹ В своих суждениях о бедах «мозаичной культуры» Моль тиражировал противопоставление организованного и неорганизованного мышления, но не уделял внимания тому обстоятельству, что культура и мышление — это не одно и то же. Но и то, что их связывает, не сводится к познанию и, тем более, к образованию: и мышление, и культура — это конгломерат не только некоторых знаний, но и эмоций, которые с этим знанием могут быть связаны очень опосредованно. «Организованное» по/знание представимо только в границах соотносимой с ним инстанции социального контроля — «надлежащим» воспитанием, образованием и, в конечной счете, властью, в чем бы она себя ни проявляла. Но вся история культуры — если понимать под нею не историю подчинения, а историю относительной свободы — свидетельствует, что «мозаичность» является как раз-таки ее сущностным качеством: человек и общество свободны в выборе связей, придающих разрозненным фрагментам интеллектуального и эмоционального опыта некоторую прагматическую целесообразность. Другое дело, что ретроспективное установление таких связей обязывает к определенной работе по прояснению их характера — близости идей, психологических ассоциаций, временных и/или пространственных отношений.

Моль справедливо настаивал, что сама динамика «мозаичной культуры» (а я скажу: любой культуры) подразумевает комбинаторику создающих ее компонентов, а именно —

¹ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 43–46. Французское издание вышло в 1967 году.

некоторых элементов информации, «опорных слов мышления», использование и назначение которых определяется коммуникацией. Такие «атомы культуры» (или, иначе, как их называет Моль, «культуремы») понимаются им как сообщения и, соответственно, обязывают считаться с правилами их опознания и понимания, но он нигде не говорит, чем диктуются эти правила (кроме общих для них законов «орфографии», «грамматики», «синтаксиса» и т. д.).¹ Не говорит он и о том, как опознаются эти самые элементарные факты культуры (хотя и упоминает попутно Проппа и Леви-Стросса). Я думаю, что понятие «мотива» в этом контексте уместно как сравнительно конкретная историко-культурная аналогия, подразумевающая внимание к динамическим, то есть *мотивационным* (например, эмоционально-языковым), аспектам коммуникативных трансформаций, наблюдаемых в культуре и обществе.

Еще одной — и тоже социологической — теорией, которая, как мне представляется, была бы полезной при обсуждении мотива как мотивации, является концепция «силы слабых связей». Марк Грановеттер, давший научную жизнь этому словосочетанию, был далек от размышлений о литературе и культуре. В центре его внимания были люди и социально-теоретическая (социально-метрическая) проблематика соотношения макроуровня (социальная мобильность, организация сообществ и политических структур) и микроуровня (межличностные взаимодействия внутри малых групп), позволяющая задаться вопросом, в чем выражается воздействие на индивидов тех звеньев социальных сетей, что не находятся в сфере их индивидуального и коллективного контроля. Гипотезой, которую сам Грановеттер считал «разведывательной» (*exploratory*), стало парадоксальное предположение, что слабые связи в большей степени, чем сильные, способствуют индивидуальным возможностям — социальной мобильности, распространению и получению информации, интеграции в другие сообщества и созданию социальной сплоченности.²

¹ Там же. С. 48–49.

² *Granovetter M. S. The Strength of Weak Ties. // The American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78 (6). P. 1360–1380.*

Полвека спустя — попутно активному обсуждению концепции Грановеттера социологами — возможностей ее расширительного истолкования коснулись теоретики культуры. Установление «слабых связей» в истории культуры с опорой на мотивный (или мотивационный) анализ по меньшей мере усложняет представления о самой этой истории, вписываясь в уже широкий ряд исследовательских методик, которые ставят своей целью изучение истории идей, эмоций, телесных практик, традиций и способов коммуникации и т. д.¹ Акторы культурного пространства в этих случаях приравниваются к актерам социальных сетей — жанровые, стилистические, поведенческие, вкусовые и иные атрибуты («культурные объекты и их связи») рассматриваются как элементы коммуникативного взаимодействия, порождающего те или иные психологические и дискурсивные эффекты.² Я думаю, что интервенция в область социальной теории может быть продуктивной и здесь — хотя бы в том отношении, что она позволяет задуматься о характере мотивов и мотиваций, предопределяющих опыт само/наблюдения и воображения. Что и почему делает *что-то* настолько важным, чтобы о нем вспоминать — хотя бы иногда?

Пока же повторюсь в своем главном *методологическом* тезисе: мотивы — это не только самоочевидные «факты» текста или аудиовизуальных медиа, но и термины проективной антропологизации социального и культурного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт Р.* Империя знаков / Пер. с франц. Я. Г. Бражниковой. М., 2004;
2. *Богданов К. А.* Абракадабра как заговорная модель: Пределы структурирования // Русский фольклор. Т. XXVIII. СПб., 1995. С. 185–197;
3. *Богданов К. А.* Из истории клякс: Филологические наблюдения. М.: Новое литературное обозрение, 2012;

¹ *Aral S.* The Future of Weak Ties // *American Journal of Sociology.* 2016. Vol. 121. № 6. P. 1931–1939.

² *Schultz J., Breiger R. L.* The strength of weak culture // *Poetics.* 2010. Vol. 38. P. 610–624.

4. *Бреславец Т. И.* Поэзия Мацуо Басё. М.: Наука, 1984;
5. *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München: Verlag Otto Sagner, 1991;
6. *Вайскопф М.* Морфология страха // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 53–58;
7. *Волков Р. М.* Русская сказка. К вопросу о роли сказочника в создании сказочной обрядности // Научные записки Одесского пед. ин-та. 1941. Т. 6. С. 5–27;
8. *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. М., 1994;
9. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996;
10. *Герасимова Н. М.* Сказка как речевая деятельность // Герасимова Н. М. Прагматика текста: фольклор, литература, культура. СПб.: Изд-во РИИИ, СПбГУ, 2012. С. 91–108;
11. *Гёте И. В.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М.: Худ. лит., 1980;
12. *Деррида Ж.* О грамматики / Пер. Н. Автономовой. М: Ad Marginem, 2000;
13. *Добровольская В. Е.* Герой волшебной сказки. К проблеме генезиса и эволюции образа // Художественный мир традиционной культуры. М., 2001. С. 37–67;
14. *Дымарский М. Я.* Еще раз о понятии сюжетного события // Алфавит. Строение повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 139–151;
15. *Изер В.* Процесс чтения: феноменологический подход / Пер. И. Кабановой // Современная литературная теория: Антология. М.: Флинта; Наука, 2004. С. 201–225;
16. *Изер В.* Рецептивная эстетика. Проблема переводимости: Герменевтика и современное гуманитарное знание / Публ. И. Ильина // Академические тетради. 1999. Вып. 6. С. 59–96;
17. *Ингарден Р.* Книжечка о человеке. М.: МГУ, 2010;
18. *Квинтилиан* Риторические наставления. Часть I. Перевод Александра Никольского. СПб.: Тип. Имп. РoС. Академии, 1834;
19. *Кошев М. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969;
20. *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001;
21. *Леви-Стросс К.* Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора / Сост. Е. М. Мелетинский и С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1985. С. 9–34;
22. *Лесовиченко А. М.* Симфоническая сказка С. Прокофьева «Петя и волк» и ее исполнительские интерпретации как предмет анализа будущими учителями в контексте вузовского музыкально-теоретического образования // Музыкальное историко-теоретическое образование. 2017. № 3. С. 112–122;

23. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952;
24. *Мацута В. В.* Аутокоммуникация человека: Функциональный аспект: Автореф. диС. ... канд. психол. наук. Томск, 2010;
25. *Мешоник А.* Рифма и жизнь / Пер. Ю. Маричик-Сьоли. М.: ОГИ, 2014;
26. *Москальская О. И.* Грамматика текста. М., 1981;
27. *Набоков В. В.* Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука, 2001;
28. *Пивоваров А. М.* Внутрличностная коммуникация как предмет социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 4. С. 50–65;
29. *Пропп В. Я.* Структурное и историческое изучение волшебной сказки. (Ответ К. Леви-Строссу) // Семиотика / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Радуга, 1983. С. 566-584;
30. *Сазонова Л. И.* Апофегматы // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1988. С. 3–60;
31. *Сахарный Л. В.* Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи / Отв. ред. Е. С. Кубрякова. М.: Наука, 1991. С. 221-237;
32. *Сперанский М. Л.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М.: Имп. Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1904;
33. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977;
34. *Уфимцева А. Ф.* Типы словесных знаков. М., 1974;
35. *Холопов Ю. Н.* Введение в музыкальную форму. М.: Мос. гос. консерватория, 2006;
36. *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983;
37. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии. М., 2003;
38. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004;
39. *Языковая номинация: Виды наименований.* М., 1977;
40. *Яусс Х. Р.* История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84;
41. *A Dictionary of Modern Critical Terms / Ed. by R. Fowler.* London, 1987;
42. *Baum M.* Der Widerstand gegen Literatur. Dekonstruktive Lektüren zur Literaturdidaktik. Bielefeld: Transcript, 2019;
43. *Brugmann K.* Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen // Abhandlungen der Philologisch-Historischen Klasse der Königlischen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1904. Bd. 22. Heft 6. S. 69–73;
44. *Bühler K.* Sprachtheorie. Jena; Stuttgart: Gustav Fischer, 1934;

45. *Clemen G.* The concept of hedging: Origins, approaches and definitions // Hedging and Discourse. Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts / Ed. by R. Markkanen and H. Schröder. Berlin: Walter de Gruyter, 1997. P. 6
46. *Derrida J.* Afterword: Toward an Ethic of Discussion. Illinois: Northwestern University Press, 1988;
47. *Deutscher M.* «Il n'y a pas de hors-texte» — once more // Symposium: Canadian journal of continental philosophy. 2014. Vol. 18. № 2. P. 98–124;
48. *Durgnat R.* Films and Feelings. Cambridge: MIT, 1976;
49. Forma dat esse rei: studi su razionalità e ontologia // A cura di Paolo Valore. Milano: LED, 2003;
50. *Fraser B.* Hedged performatives. Syntax and Semantics / Ed. by P. Cole and J. L. Morgan. Vol. 3. New York: Academic Press, 1975. P. 187–210;
51. *Gumperz J. J.* Contextualization and understanding // Rethinking context: language as an interactive phenomenon / Ed. A. Duranti and C. Goodwin. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 229–252;
52. *Levinson S. C.* Contextualizing 'contextualization cues' // Language and interaction: discussions with John J. Gumperz and Susan L. Eerdmans / Eds. C. Prevignano and P. Thibault. Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 31–39;
53. *Hörsch J.* Die Wut des Verstehens. Zur Kritik der Hermeneutik. Frankfurt a. M., 1988;
54. *Horstmann A.* Zwischen Evidenz und Wahrscheinlichkeit: August Boeckhs «Erkenntnis des Erkannten» // Unsicheres Wissen. Skeptizismus und Wahrscheinlichkeit. 1550–1850 / Hrsg. C. Spoerhase, D. Werle, M. Wild. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. S. 437–448;
55. *Kloppenborg J. S.* The Formation of Q: Trajectories in Ancient Wisdom Collections. Philadelphia: Fortress, 1987;
56. *LaCapra D.* Tropisms of Intellectual History // History and Its Limits: Human, Animal, Violence. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 209–214;
57. *Mantzavinos C.* Hermeneutics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2016. <http://plato.stanford.edu/entries/hermeneutics/> [дата обращения — 22.09.2022];
58. *Mantzavinos C.* The Hermeneutic Circle: What Kind of Problem is it? // L'Année sociologique. 2013. Vol. 63. Issue 2. P. 509–527;
59. *McBirnie A., Urquhart C.* Motifs: Dominant Interaction Patterns in Event Structures of Serendipity // Information Research. 2011. Vol.

16. № 3. Paper 494. [Available at <http://InformationR.net/ir/16-3/paper494.html>. — дата обращения — 22.09.2022]
60. *Motifs in Language and Text* / Ed. Haitao Liu and Junying Liang. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2017;
61. *Rescher N.* Objectivity: The Obligations of Impersonal Reason. Notre Dame: Notre Dame University Press, 1997;
62. *Sabbagh K.* Remembering Our Childhood. How Memory Betrays Us. Oxford: Oxford University Press, 2009;
63. *Sarbievius (Sarbiewski) M. C.* De acuto et arguto sive Seneca et Martialis (1619/1623) // *Praecepta poetica* / Pod red. S. Skimina. Wrocław; Krokau, 1958. S. 1–14;
64. *Schütz A., Luckmann T.* Strukturen der Lebenswelt. UTB GmbH; Auflage: 2. überarb. 2017;
65. *Searle J. R., Kiefer F., Bierwisch M.* Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel, 1980;
66. *Taleb O. B., Ducrot O.* Actes de discours et performativité en français: de la syntaxe à la pragmatique. Tunis: Publications de l'Université de Tunis, 1984;
67. *The Chreia and Ancient Rhetoric: Classroom Exercises* / Ed. by R. F. Hock and E. N. O'Neil. Leiden etc.: Brill, 2002 (Society of Biblical Literature. Vol. 2: Writing from Greco-Roman World);
68. *The Chreia in Ancient Rhetoric. Vol. 1: The Progymnasmata* / Ed. by R. F. Hock and E. N. O'Neil. Atlanta: Scholars Press, 1986 (Society of Biblical Literature. Vol. 1: Texts and Translation Series);
69. *Wartensleben G.* Begriff der griechischen Chreia und Beiträge zur Geschichte ihrer Form. Heidelberg: C. Winter, 1901;
70. *Willand M.* Isers impliziter Leser im praxeologischen Belastungstest — Ein literaturwissenschaftliches Konzept zwischen Theorie und Methode // *Theorien, Methoden und Praktiken des Interpretierens* / Hrsg. von A. Albrecht, L. Danneberg, O. Krämer und C. Spoerhase. Berlin u. a.: De Gruyter, 2015. S. 237–270;

REFERENCES

1. *Bart R.* Imperiya znakov / Per. s franc. YA. G. Brazhnikovoj. M., 2004; (In Russ.)
2. *Bogdanov K. A.* Abrakadabra kak zagovornaya model': Predely strukturirovaniya // *Russkij fol'klor. T. XXVIII.* SPb., 1995. S. 185–197; (In Russ.)
3. *Bogdanov K. A.* Iz istorii klyaks: Filologicheskie nablyudeniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012; (In Russ.)
4. *Breslavac T. I.* Poeziya Macuo Basyo. M.: Nauka, 1981; (In Russ.)

5. *Bulanin D. M.* Antichnye tradicii v drevnerusskoj literature XI–XVI vv. München: Verlag Otto Sagner, 1991; (In Russ.)
6. *Vajskopf M.* Morfologiya straha // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1997. № 24. S. 53–58; (In Russ.)
7. *Volkov R. M.* Russkaya skazka. K voprosu o roli skazochnika v sozdanii skazochnoj obryadnosti // *Nauchnye zapiski Odesskogo ped. in-ta*. 1941. T. 6. S. 5–27; (In Russ.)
8. *Gasparov B. M.* Literaturnye lejtmotivy. M., 1994; (In Russ.)
9. *Gasparov B. M.* YAzyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya. M.: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1996; (In Russ.)
10. *Gerasimova N. M.* Skazka kak rechevaya deyatel'nost' // *Gerasimova N. M.* Pragmatika teksta: fol'klor, literatura, kul'tura. SPb.: *Izd-vo RIII*, SPbGU, 2012. S. 91–108; (In Russ.)
11. *Gyote I. V.* *Sobr. soch.: V 10 t.* T. 10. M.: *Hud. lit.*, 1980; (In Russ.)
12. *Derrida Zh.* O grammatologii / *Per. N. Avtonomovoj*. M: *Ad Marginem*, 2000; (In Russ.)
13. *Dobrovol'skaya V. E.* Geroj volshebnoj skazki. K probleme genezisa i evolyucii obraza // *Hudozhestvennyj mir tradicionnoj kul'tury*. M., 2001. S. 37–67; (In Russ.)
14. *Dymarckij M. Ya.* Eshche raz o ponyatii syuzhetnogo sobytiya // *Alfavit*. Stroenie povestvovatel'nogo teksta. Sintagmatika. Paradigmatika. Smolensk: *SGPU*, 2004. S. 139–151; (In Russ.)
15. *Izer V.* Process chteniya: fenomenologicheskij podhod / *Per. I. Kabanovoj* // *Sovremennaya literaturnaya teoriya: Antologiya*. M.: *Flinta; Nauka*, 2004. S. 201–225; (In Russ.)
16. *Izer V.* Receptivnaya estetika. Problema perevodimosti: Germenevtika i sovremennoe gumanitarnoe znanie / *Publ. I. Il'ina* // *Akademicheskie tetradi*. 1999. Vyp. 6. S. 59–96; (In Russ.)
17. *Ingarden R.* *Knizhechka o cheloveke*. M.: *MGU*, 2010; (In Russ.)
18. *Kvintilijan* Ritoricheskie nastavleniya. Chast' I. *Perevod Aleksandra Nikol'skogo*. SPb.: *Tip. Imp. Ros. Akademii*, 1834; (In Russ.)
19. *Koshev M. G.* Komponenty soderzhatel'noj struktury slova. M., 1969; (In Russ.)
20. *Le Goff Zh.* *Srednevekovyj mir vooobrazaemogo*. M.: *Progress*, 2001; (In Russ.)
21. *Levi-Stros K.* Razmyshleniya nad odnoj rabotoj Vladimira Proppa // *Zarubezhnye issledovaniya po semiotike fol'klora* / *Sost. E. M. Meletinskij i S. YU. Neklyudov*. M.: *Nauka*, 1985. S. 9–34; (In Russ.)
22. *Lesovichenko A. M.* Simfonicheskaya skazka S. Prokof'eva «Petya i volk» i ee ispolnitel'skie interpretacii kak predmet analiza budushchimi uchitelyami v kontekste vuzovskogo muzykal'no-teoreticheskogo

- obrazovaniya // Muzykal'noe istoriko-teoreticheskoe obrazovanie. 2017. № 3. S. 112–122; (In Russ.)
23. *Lomonosov M. V.* Poln. sobr. soch. T. 7. Trudy po filologii 1739–1758 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952; (In Russ.)
 24. *Macuta V. V.* Autokommunikaciya cheloveka: Funkcional'nyj aspekt: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Tomsk, 2010; (In Russ.)
 25. *Meshonik A.* Rifma i zhizn' / Per. YU. Marichik-S'oli. M.: OGI, 2014;
 26. *Moskal'skaya O. I.* Grammatika teksta. M., 1981; (In Russ.)
 27. *Nabokov V. V.* Lekcii po zarubezhnoj literature. SPb.: Azbuka, 2001; (In Russ.)
 28. *Pivovarov A. M.* Vnutrilichnostnaya kommunikaciya kak predmet sociologicheskogo analiza // ZHurnal sociologii i social'noj antropologii. 2006. № 4. S. 50–65; (In Russ.)
 29. *Propp V. YA.* Strukturnoe i istoricheskoe izuchenie volshebnoj skazki. (Otv. K. Levi-Strosu) // Semiotika / Sost. YU. S. Stepanov. M.: Raduga, 1983. S. 566–584; (In Russ.)
 30. *Sazonova L. I.* Apofegmaty // TODRL. T. 41. L., 1988. S. 3–60; (In Russ.)
 31. *Saharnyj L. V.* Teksty-primitivy i zakonmernosti ih porozhdeniya // CHelovecheskij faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi / Otv. red. E. S. Kubryakova. M.: Nauka, 1991. S. 221–237; (In Russ.)
 32. *Speranskij M. L.* Perevodnye sborniki izrechenij v slavyano-russkoj pis'mennosti. M.: Imp. Obshchestvo istorii i drevnostej rossijskikh pri Mosk. un-te, 1904; (In Russ.)
 33. *Tynyanov YU. N.* Poetika. Istoriya literatury. Kino. M.: Nauka, 1977; (In Russ.)
 34. *Ufimceva A. F.* Tipy slovesnyh znakov. M., 1974; (In Russ.)
 35. *Holopov YU. N.* Vvedenie v muzykal'nyu formu. M.: Mos. gos. konservatoriya, 2006; (In Russ.)
 36. *Cherepanova O. A.* Mifologicheskaya leksika russkogo Severa. L., 1983; (In Russ.)
 37. *Shyuc A.* Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: Ocherki po fenomenologicheskoy sociologii. M., 2003; (In Russ.)
 38. *Shyuc A.* Izbrannoe: Mir, svetyashchijnya smyslom. M., 2004; (In Russ.)
 39. Yazykovaya nominaciya: Vidy naimenovanij. M., 1977; (In Russ.)
 40. *Yauss X. R.* Istoriya literatury kak provokaciya literaturovedeniya // Novoe literaturnoe obozrenie. 1995. № 12. S. 34–84; (In Russ.)
 41. A Dictionary of Modern Critical Terms / Ed. by R. Fowler. London, 1987;
 42. *Baum M.* Der Widerstand gegen Literatur. Dekonstruktive Lektüren zur Literaturdidaktik. Bielefeld: Transcript, 2019;

43. *Brugmann K.* Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen // Abhandlungen der Philologisch-Historischen Klasse der Königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1904. Bd. 22. Heft 6. S. 69–73;
44. *Bühler K.* Sprachtheorie. Jena; Stuttgart: Gustav Fischer, 1934;
45. *Clemen G.* The concept of hedging: Origins, approaches and definitions // Hedging and Discourse. Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts / Ed. by R. Markkanen and H. Schröder. Berlin: Walter de Gruyter, 1997. P. 16–34.
46. *Derrida J.* Afterword: Toward an Ethic of Discussion. Illinois: Northwestern University Press, 1988;
47. *Deutscher M.* «Il n'y a pas de hors-texte» — once more // Symposium: Canadian journal of continental philosophy. 2014. Vol. 18. № 2. P. 98–124;
48. *Durgnat R.* Films and Feelings. Cambridge: MIT, 1976;
49. Forma dat esse rei: studi su razionalità e ontologia // A cura di Paolo Valore. Milano: LED, 2003;
50. *Fraser B.* Hedged performatives. Syntax and Semantics / Ed. by P. Cole and J. L. Morgan. Vol. 3. New York: Academic Press, 1975. P. 187–210;
51. *Gumperz J. J.* Contextualization and understanding // Rethinking context: language as an interactive phenomenon / Ed. A. Duranti and C. Goodwin. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 229–252;
52. *Levinson S. C.* Contextualizing 'contextualization cues' // Language and interaction: discussions with John J. Gumperz and Susan L. Eerdmans / Eds. C. Prevignano and P. Thibault. Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 31–39;
53. *Hörsch J.* Die Wut des Verstehens. Zur Kritik der Hermeneutik. Frankfurt a. M., 1988;
54. *Horstmann A.* Zwischen Evidenz und Wahrscheinlichkeit: August Boeckhs «Erkenntnis des Erkannten» // Unsicheres Wissen. Skeptizismus und Wahrscheinlichkeit. 1550–1850 / Hrsg. C. Spørhase, D. Werle, M. Wild. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. S. 437–448;
55. *Kloppenborg J. S.* The Formation of Q: Trajectories in Ancient Wisdom Collections. Philadelphia: Fortress, 1987;
56. *LaCapra D.* Tropisms of Intellectual History // History and Its Limits: Human, Animal, Violence. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 209–211;
57. *Mantzavinos C.* Hermeneutics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2016. <http://plato.stanford.edu/entries/hermeneutics/> [дата обращения — 22.09.2022];

58. *Mantzavinos C.* The Hermeneutic Circle: What Kind of Problem is it? // *L'Année sociologique*. 2013. Vol. 63. Issue 2. P. 509–527;
59. *McBirnie A., Urquhart C.* Motifs: Dominant Interaction Patterns in Event Structures of Serendipity // *Information Research*. 2011. Vol. 16. № 3. Paper 494. [Available at <http://InformationR.net/ir/16-3/paper494.html>. — дата обращения — 22.09.2022]
60. *Motifs in Language and Text* / Ed. Haitao Liu and Junying Liang. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2017;
61. *Rescher N.* Objectivity: The Obligations of Impersonal Reason. Notre Dame: Notre Dame University Press, 1997;
62. *Sabbagh K.* Remembering Our Childhood. How Memory Betrays Us. Oxford: Oxford University Press, 2009;
63. *Sarbievius (Sarbievski) M. C.* De acuto et arguto sive Seneca et Martialis (1619/1623) // *Praecepta poetica* / Pod red. S. Skimina. Wrocław; Krokau, 1958. S. 1–14;
64. *Schütz A., Luckmann T.* Strukturen der Lebenswelt. UTB GmbH; Auflage: 2. überarb. 2017;
65. *Searle J. R., Kiefer F., Bierwisch M.* Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel, 1980;
66. *Taleb O. B., Ducrot O.* Actes de discours et performativité en français: de la syntaxe à la pragmatique. Tunis: Publications de l'Université de Tunis, 1984;
67. *The Chreia and Ancient Rhetoric: Classroom Exercises* / Ed. by R. F. Hock and E. N. O'Neil. Leiden etc.: Brill, 2002 (Society of Biblical Literature. Vol. 2: Writing from Greco-Roman World);
68. *The Chreia in Ancient Rhetoric. Vol. 1: The Progymnasmata* / Ed. by R. F. Hock and E. N. O'Neil. Atlanta: Scholars Press, 1986 (Society of Biblical Literature. Vol. 1: Texts and Translation Series);
69. *Wartensleben G.* Begriff der griechischen Chreia und Beiträge zur Geschichte ihrer Form. Heidelberg: C. Winter, 1901;
70. *Willand M.* Isers impliziter Leser im praxeologischen Belastungstest — Ein literaturwissenschaftliches Konzept zwischen Theorie und Methode // *Theorien, Methoden und Praktiken des Interpretierens* / Hrsg. von A. Albrecht, L. Danneberg, O. Krämer und C. Spoerhase. Berlin u. a.: De Gruyter, 2015. S. 237–270;